

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

Статья посвящена механизмам создания комического в прозе А. П. Чехова. Эти механизмы рассматриваются в свете проблемы цитаций и «чужого» слова в творчестве писателя. Анализ проводится на примере цитат из творчества Шекспира, Крылова, Грибоедова, Гоголя.

Ключевые слова: Чехов, цитаты, «чужое» слово, Шекспир, Грибоедов, Гоголь, комическое.

Проблеме комического в творчестве А. П. Чехова посвящено множество работ. Именитые чеховеды (А. Б. Дерман, В. Я. Линков, З. С. Паперный, А. П. Чудаков) и молодые исследователи изучают этот аспект его творчества с разных сторон. Относительно недавно в Белгороде была защищена кандидатская диссертация, посвященная лингвокогнитивным механизмам создания комического в ранней прозе Чехова. Вместе с тем в последнее время внимание исследователей привлекают не только глобальные темы (художественная философия Чехова, своеобразие его художественного мировоззрения и мирозерцания, соотношение авторского сознания и сознания героя в его творчестве, эстетические взгляды и поэтика писателя как целое), но и более узкие и частные проблемы и вопросы художественного мира писателя. Одной из таких частных проблем является проблема цитат и (или) «чужого» слова в творчестве Чехова.

В свете этой проблемы, как думается, можно выделить два основных приема создания комического: искажение и «переворачивание» цитаты. Первым приемом А. Чехов пользовался на протяжении всего своего творчества. В рассказе «Двадцать девятое июня» (1882) юмористически перефразируются слова Гамлета «Я любил Офелию, как сорок тысяч братьев любить не могут» в следующую характеристику: «Глуп, как сорок тысяч братьев» [1, т. 1, с. 227]. В ранней юмористике Чехова часто искажаются эти шекспировские строки: «...пьян, как сорок тысяч братьев...» [1, т. 1, с. 275] («Ненужная победа», 1882); «...обрадовался сорока тысячам, как сорок тысяч братьев, взятых вместе» [1, т. 16, с. 44] («Осколки московской жизни», 1883); «Груб, неотесан и нелеп, как сорок тысяч нелепых братьев» [1, т. 3, с. 12] («Дачница», 1884); «Нализался, как сорок тысяч братьев» [1, т. 4, с. 293] («Ночь на кладбище», 1886); «...эффектен, как сорок тысяч шаферов, взятых вместе» [1, т. 3, с. 318] («Драма на охоте», 1884—1885); «...пьян, как сорок тысяч сапожников» [1, т. 5, с. 483] («То была она», 1886). И. Е. Гитович в примечаниях к академическому собранию сочинений пишет об этой особенности чеховской юмористики: «Для юмористики раннего Чехова характерна повторяемость фактов, реалий. Явление, злободневное со-

бытие, упомянутое в фельетоне, шуточном календаре, может снова всплыть в рассказе, «картинках», «мыслях», «филологических заметках», мелочах типа «кое-что». ...Здесь, однако, необходимо учитывать вероятность и другой причины совпадений, особенно реальной в жанре анекдота, комического афоризма – «бродячие» юмористические сюжеты. ...Часто в юмористике обыгрываются любимые Чеховым шекспировские «сорок тысяч братьев» [1, т. 18, с. 203–204]. Нетрудно заметить, что в каждом упомянутом случае гамлетовские слова выступают в роли поговорки, крылатого выражения, которые употребляются персонажами для характеристики конкретной ситуации или героя, видоизменяясь и варьируясь.

И. В. Косолюбова в своей кандидатской диссертации говорит, по сути, об этом же: «Использование *фразеологизмов* (курсив авторский. – А. Е.) как разновидности текстовых реминисценций основано на апелляции к культурологическим (в основном филологическим) знаниям, или фреймам. ...Комический эффект здесь может достигаться путем включения культурологических фреймов в тот или иной скрипт (*Путь комиссии... усыпан благи-ми намерениями*)» [2, с. 11]. Так, упомянутая шекспировская цитата, выступая в качестве устоявшегося выражения, фразеологизма, вызывает комический эффект, именно видоизменяясь, то есть включаясь в иной, неожиданный контекст.

И в заключительной своей пьесе «Вишневый сад» (1904) автор снова использует этот прием, искажает слова шекспировской пьесы в хрестоматийно известных обращениях Лопухина к Варе: «Охмелия, иди в монастырь!» [1, т. 13, с. 226] и «Охмелия, о нимфа, помяни меня в твоих молитвах!» [1, т. 13, с. 226].

В данной статье нас будут интересовать подобные механизмы создания комического только в прозаических произведениях А. П. Чехова. Вплоть до конца 1890-х гг. писатель продолжает искажать стихи из пьес Шекспира. Но начиная с 1886 г. в беззаботный смех начинают вторгаться нотки горечи, а юмор сменяется издевками. В «Рассказе без конца» (1886) искаженная шекспировская цитата все еще создает комический эффект: «Прошел еще только год с той ночи, и Васильев еще не успел как

следует сносить сапогов, в которых шлепал по грязи за гробом жены» [1, т. 5, с. 18]. Это перефразировка слов Гамлета: «И башмаков еще не износила, / В которых шла, в слезах, как Ниобея, / За бедным прахом моего отца!». Однако предшествующие реплики («Не правда ли, это весело? – прошептал Васильев, повернув ко мне свое испуганное лицо. – Боже мой, чего только не приходится видеть и слышать человеку! Переложить бы этот хаос на музыку!», «Не знающих привел бы он в смятение, – как говорит Гамлет, – исторг бы силу из очей и слуха» [1, т. 5, с. 16]) и общая атмосфера безысходности и тоски первой части рассказа «разбавляют» комический эффект перифраза. Но, разумеется, не отменяют его.

Вероятно, неслучайна и позиция искаженной цитаты: она открывает вторую, заключительную часть рассказа, повествующую о разительной перемене в герое: «Я смотрю на его улыбающееся лицо, и мне припоминается то отчаяние и тот ужас, которыми полны были его глаза, когда он год тому назад глядел на темное окно. Я вижу, как он, входя в свою обычную роль ученого пустослова, собирается пококотничать передо мною своими праздными теориями вроде обмена веществ, и в это время мне припоминается он, сидящий на полу в луже крови, с больными, умоляющими глазами» [1, т. 5, с. 19–20]. Жизненная трагедия сменяется фарсом, высокая трагедия «Гамлет» трагедиируется.

В другом рассказе 1886 г. «О женщинах» появляется еще одна неточная цитата из указанной пьесы: «...женщина – ничтожество ей имя» [1, т. 5, с. 114]. В этом случае неточность не имеет определяющего значения, комический эффект достигается путем включения высокого стиля в намеренно сниженный контекст: «Изучать науки женщина неспособна. Это явствует уже из одного того, что для нее не заводят учебных заведений. Мужчины, даже идиот и кретин, могут не только изучать науки, но даже и занимать кафедры, но *женщина – ничтожество ей имя* (курсив мой. – А. Е.)! Она не сочиняет для продажи учебников, не читает рефератов и длинных академических речей, не ездит за казенный счет в ученые командировки и не утилизирует заграничных диссертаций. Ужасно неразвита! Творческих талантов у нее – ни капли. Не только великое и гениальное, но даже пошлое и шантажное пишется мужчинами, ей же дана от природы только способность заворачивать в творения мужчин пирожки и делать из них папильотки» [1, т. 5, с. 114]. Снова перед читателем пример все того же использования общеизвестных, расхожих строк, выполняющих функцию присловья, поговорок.

Еще один яркий пример создания комического путем использования неточной цитаты, вернее неточной ее атрибуции, находим в рассказе «Апте-

карша» (1886). Поручик Обтесов начинает среди ночи ухаживать за молодой женой аптекаря и в качестве подкрепления своих слов цитирует строки Пушкина, выдавая их, впрочем, за слова Шекспира: «Даже Шекспир сказал: «Блажен, кто смолodu был молод!» [1, т. 5, с. 196]. В журнальном варианте было: «Даже Гоголь сказал...». Лаконично и убедительно об этом примере писал В. А. Кошелев: «...и какая, в сущности, разница для пьяного офицера, в «словоблудящих» устах которого имеет значение лишь условный «мифологизированный» авторитет; смысла же высказываемого поручик Обтесов даже никогда и не пытался понять» [3, с. 150].

Сходным приемом Чехов воспользуется и год спустя, в 1887 г., в рассказе «Критик». Комический эффект в нем будет достигнут не искажением цитаты, но путем включения культурологического фрейма (по формулировке упомянутой И. В. Косолюбовой) в намеренно сниженный, разговорно-просторечный контекст: «...утром короля Лира канифолишь, а вечером Коверлея раздракониваешь...» [1, т. 6, с. 177]. И далее: «...да отжарить какого ни на есть разанафемского Отеллу или раздраконить, понимаешь ли ты, «Ограбленную почту»...» [1, т. 6, с. 178].

И все же в середине 80-х годов характер чеховского цитирования меняется. В 1886 г. появляется несколько рассказов, где цитаты из широко известных пьес русских классиков уже не несут на себе столь явной комической нагрузки, как это было с шекспировскими строками, да и сами рассказы уже сложно назвать в чистом виде юмористическими. Как говорит сам Чехов, он начинает писать «об умном» [4, с. 10].

Так, в рассказе «Скука жизни» отставной генерал Аркадий Лебедев, брюзжащий и вечно всем недовольный старик, после смерти дочери доживает свои дни со старухой-женой и мешает ей принимать больных крестьян: «Если тебе не нравится мое обращение с ними, то изволь, я прекращу разговоры, хотя, впрочем... если рассуждать по совести, искренность по отношению к ним гораздо лучше молчания и поклонения. *Александр Македонский великий человек, но стульев ломать не следует*, так и русский народ – великий народ, но из этого не следует, что ему нельзя в лицо правду говорить» [1, т. 5, с. 174]. В этом примере искаженный гоголевский алогизм выступает лишь в качестве цитаты-штампа, цитаты-клише, которая прочно вошла в употребление, уже не воспринимается как «чужое» слово и может видоизменяться и варьироваться.

Здесь же нужно отметить, что подобной – лишней особой, выделяющей и акцентирующей, момента – смысловой нагрузкой во всех без исклю-

чения случаях обладают у Чехова и цитаты из Грибоедовской комедии «Горе от ума». Хрестоматийно известны пророческие пушкинские слова о языке комедии из письма П. А. Вяземскому от 28 января 1825 г.: «О стихах я не говорю: половина должна войти в поговорку». Именно это и происходит у Чехова: внося в свои тексты строки из комедии, он цитирует уже не собственно слова Грибоедова, а поговорки, устойчивые крылатые выражения, давно вошедшие в обиходную речь. Так, в чеховском рассказе «Визитные карточки» (1886) читаем: «Этот Жан – здоровнейший мужчина, говорящий хриплым басом, пахнущий уксусом и *вечно шуршащий по свету, где оскорбленному есть чувству... рюмка водки и рубль взаймы*» [1, т. 4, с. 283]. В рассказах «К сведению мужей» (1886) и «Удав и кролик» (1886) – при определении любви – используется формула «*влеченье, род недуга*».

Выражение «*В глушь! В Саратов!*» [1, т. 5, с. 196], с отсылкой к автору, находим в рассказе «Аптекарьша» (1886), а выражение «*Служить рад, но прислуживаться тошно!*» [1, т. 5, с. 461] – в рассказе «Человек» (1886). В юмореске «Один из многих» (1887), позже переделанной в одноактную комедию «Трагик поневоле» (1889), появляется общеизвестное «*что скажет княгиня Марья Алексевна?!*» [1, т. 6, с. 233], в пьесе «Татьяна Репина» (1889) не менее общеизвестное – «*Зафилософствуй – и ум вскружится*» [1, т. 7, с. 94], а в «Рассказе неизвестного человека» (1893) сразу две общеупотребительные грибоедовские фразы – «*Мы, женщины, не можем сметь свое суждение иметь*» [1, т. 8, с. 177] и «*Что за комиссия, создатель, быть малой дочери отцом!*» [1, т. 8, с. 212]. Ярким комическим эффектом обладает только первая из упомянутых цитат. Искаженность большинства остальных цитаций лишний раз говорит об их общеизвестности, переходе в поговорку, которую можно варьировать и видоизменять.

Не менее интересный пример искажения цитаты видим в рассказе 1893 г. «Володя большой и Володя маленький». Владимир Михайлович, Володя маленький, не желает говорить о серьезных вещах с главной героиней Софьей Львовной и на ее вопрос «Вы имеете успех как ученый, вы любите науку, но отчего вы никогда не говорите со мной о науке? Отчего? Я недостойна?» [1, т. 8, с. 223] отвечает следующими словами, имея в виду сатирические фразы М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Отчего это вам так вдруг науки захотелось? А, может, хотите конституции? Или, может, севрюжины с хреном?» [1, т. 8, с. 223]. Разговаривая с замужней женщиной откровенно пренебрежительно, он видит в ней только объект соблазна: «Предоставим Шопенгауэрам философствовать и доказывать все, что им угодно, а сами будем целовать эти ручки» [1, т. 8, с. 223].

Цитата из сатиры Салтыкова-Щедрина «Культурные люди» (1876), безусловно, сама по себе несущая комический эффект, искажаясь, лишь подтверждает свой характер общеизвестного крылатого выражения, поговорки, фразеологизма.

Наконец, еще одним, редким, но интересным механизмом создания комического эффекта, характеризующим чеховскую авторскую творческую манеру, можно назвать «переворачивание» цитаты.

В повести 1889 г. «Скучная история» цитируются две строки из басни И. А. Крылова «Орел и куры». В данном случае крыловская цитата – это не просто устоявшееся выражение, поговорка, но очень тонкая деталь, нюансированная, «подтекстная». Кратко напомним сюжетную ситуацию: профессор Николай Степанович, старый, больной человек, знающий, что жить ему осталось не более полугода, чувствует, что не может найти общего языка с женой и дочерью Лизой, и всеми силами души ненавидит претендента на руку дочери, Александра Адольфовича Гнеккера, бывающего в их доме ежедневно. Никому точно неизвестно, кто такой Гнеккер и на какие средства он живет. Прежде профессор никогда не позволял себе никаких колкостей в его адрес, но вот однажды, совершенно неожиданно для самого себя, он «ни с того ни с сего выпалил:

Орлам случается и ниже кур спускаться,

Но курам никогда до облак не подняться...» [1, т. 7, с. 296].

В этой цитате, конечно, заключена определенная психологически-характеризующая функция, она характеризует определенную психологическую ситуацию, но это сделано тонко и изощренно. Такой стиль поведения в целом совершенно нехарактерен для главного героя «Скучной истории», крыловские строчки он произносит, если угодно, в состоянии аффекта, «ни с того ни с сего» и потом жестоко себя укоряет за эту вспышку. Сразу же по произнесении этих крыловских стихов герой, стыдясь случившегося, буквально выворачивает смысл процитированного наизнанку: «И досаднее всего, что курица Гнеккер оказывается гораздо умнее орла-профессора. Зная, что жена и дочь на его стороне, он держится такой тактики: отвечает на мои колкости снисходительным молчанием (спятил, мол, старик – что с ним разговаривать?) или же добродушно подшучивает надо мной. Нужно удивляться, до какой степени может измельчать человек» [1, т. 7, с. 296].

Разумеется, механизмы создания комического в прозе Чехова разнообразны и не ограничиваются использованием общеизвестных цитат и (или) цитат с искажением. В данной статье мы пытались осветить этот вопрос с точки зрения интересующей нас проблемы «чужого» слова в чеховской

прозе. Произведенный в статье анализ некоторых рассказов позволил сделать следующий вывод: механизмы создания комического, несомненно, зависят от авторского замысла. В ранней юмористике преобладают явные травестия и бурлеск. С другой

стороны, когда Чехов пишет «об умном», приемы выбираются соответствующие, более тонкие, имплицитные. Но полностью от травестирования не отказывается вплоть до последней своей пьесы («Охмелия, иди в монастырь!»).

Список литературы

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 18. М., 1982.
2. Косолюбова И. В. Лингвокогнитивные механизмы создания комического в ранней прозе А. П. Чехова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2006.
3. Кошелев В. А. Онегинский «миф» в прозе Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М.: Наука, 1998.
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 2. М., 1975.

Ермачкова А. С., аспирант.

Московский педагогический государственный университет.

Ул. Малая Пироговская, 1, г. Москва, Россия, 119991.

E-mail: ermachkova_anna@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.02.2011.

A. S. Ermachkova

THE PROBLEM OF CREATING HUMOUR IN CHEKHOV'S PROSE

This article is devoted to the devices for creating humour in Chekhov's prose. The examined devices have been chosen regarding to the problem of quotations and of a "borrowed" word in Chekhov's works. The quotations for this analysis have been chosen from the works by Shakespeare, Krylov, Griboedov and Gogol.

Key words: *Chekhov, "borrowed" word, quotation, Shakespeare, Krylov, Griboedov, Gogol, humorous.*

Moscow Pedagogical State University.

Ul. Malaya Pirogovskaya, 1, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: ermachkova_anna@mail.ru